

A dramatic scene of a dam with a massive fire and smoke plume. The dam is a large concrete structure with multiple spillways. A massive fire is burning on the dam, with a thick, dark plume of smoke rising into the sky. The sky is filled with clouds, and the sun is setting or rising, creating a warm, orange glow. In the foreground, a person in a dark jacket and a blue helmet is walking away from the viewer, towards the dam. The ground is covered in debris and rubble. The overall atmosphere is one of disaster and chaos.

Максим Орлов

Пермская зона

18+

Максим Орлов

Пермская зона

Серия «Пермская зона», книга 1

<https://litres.ru/74389329>

SelfPub; 2026

Аннотация

14 марта. 06:14. Камская ГЭС взрывается. Через три минуты Пермь перестаёт существовать. Волна смывает набережные, химическое облако покрывает заводы, Мотовилиха горит. А через час по мёртвому городу начинают ходить те, кто когда-то был людьми.

Два года спустя бывший капитан Артём Ковалёв ведёт группу сталкеров через Зону — территорию, где радиация смешалась с химией, а вирус превратил тысячи в «бегунов» и «светлячков». Их цель — контейнер с вакциной «Пермь-2» в бункере под ГЭС.

Но вакцина — не то, чем кажется. А правда — опаснее любого вируса.

Группа теряет друзей одного за другим: Груз остаётся на мосту, Дед — в бомбоубежище, Макс — от облучения, Анна — от химического ожога. Артём идёт дальше, неся в себе их память и двенадцать ампул, которые могут спасти мир или превратить выживших в рабов.

«Дальше — хуже. Но я шёл. Потому что некуда больше идти. Потому что я был последним, и я должен был нести эту память, эту правду, эту ложь, эту жизнь, эту смерть, до самого конца.»

— Артём Ковалёв

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА 1	41
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пермская зона

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу я начал писать зимой 2024 года, сидя в пермской кофейне на углу Ленина и Сибирской. За окном шёл снег, падал так же, как он падает здесь всегда — тяжело, не торопясь, будто примеряясь, ляжет ли он на этот город или растает, не найдя себе места. Я смотрел на прохожих, на заснеженные трамваи, на колонны Театра-Театра, и вдруг подумал: что будет, если всё это исчезнет? Если утром не откроются магазины, не зазвонят трамваи, не выйдут на работу люди? Если город, который я люблю, вдруг станет Зоной? Если по этим улицам перестанут ходить живые, и по ним пойдут другие — те, кто когда-то тоже был живым? Вопрос был не праздный. Я вырос в Перми, и этот город научил меня одной важной вещи: настоящее выживание — не про еду, не про оружие, не про бетонные стены. Настоящее выживание — про память. Про то, чтобы помнить, кто ты, откуда ты, кого ты любил, и зачем ты идёшь вперёд, когда все дороги закрыты. Поэтому в этой книге нет супергероев. Есть люди, которые идут по мёртвому городу. Они теряют друзей. Они теряют себя. Они не знают, что ждёт их впереди — спасение или смерть. И они всё равно идут. Потому что не идти — значит забыть. Все адреса в книге реальны. Набережная,

где упал БТР Артёма, существует. Коммунальный мост стоит над Камой. Химпром дымит трубами в Индустриальном районе. Мотовилихинские заводы всё ещё гудят, когда ветер задувает с севера.

Если вы окажетесь в Перми, вы можете пройти по маршруту Артёма — от Гайвы до Красавинского моста. Это путь в пять километров. Он займёт у вас час, не больше. Но тот, кто пройдёт его, не глядя по сторонам, ничего не поймёт. Надо смотреть. Надо слушать. Надо чувствовать ветер и вспоминать, что под этим ветром когда-то были люди, которые смеялись, любили, ссорились, мирились, жили. Я не знаю, что будет с Артёмом после того, как он сделает свой шаг навстречу военным. И я не хочу это придумывать. Потому что эта книга — не про ответы. Она про вопросы. Про то, что мы носим в себе, когда остаёмся одни. Про то, что мы готовы отдать, чтобы другие могли идти дальше. Про то, что даже в самом холодном, самом мёртвом мире есть место для весны, которой, возможно, уже не будет, но которая всё равно обязана прийти. Я написал эту книгу для Перми. И для всех, кто когда-либо чувствовал себя одиноким в толпе, потерянным в городе, чужим в собственном доме. Потому что Зона начинается не за городской чертой. Она начинается внутри нас. И только мы решаем, пустотой ей оставаться или светом.

Добро пожаловать в Пермскую зону. Наденьте теплые вещи. Проверьте противогаз. И помните: даже когда кажется, что всё кончено, всегда есть ещё один шаг.

Автор Пермь, 2025–2026

ПРОЛОГ

14 МАРТА. ЧАС НОЛЬ

ВИКТОР. ДЕЖУРСТВО

Виктор Соловьёв наливал чай в стакан, когда погас свет. Погасло не в здании — лампы в диспетчерской продолжали гореть ровным жёлтым светом, отбрасывая на стены тени от приборов. Погасло в голове, в том месте, где тридцать лет привычки выстроили карту Камской ГЭС: каждый клапан, каждый рубильник, каждый звук гидроагрегата, каждый толчок плотины под ногами. Погасло понимание.

— Вить, ты чай свой допьёшь или опять в стакане оставишь? — голос дежурного оператора Миши Григорьева донёсся из соседней комнаты, приглушённый толстыми бетонными стенами.

— Допью, — буркнул Виктор, не отрывая глаз от мнемосхемы.

Мнемосхема занимала всю стену — большое табло, где красными и зелёными лампочками горела вся станция: двадцать три гидроагрегата, шестьсот пятьдесят метров плотины, водосбросы, затворы, трансформаторы. Виктор знал её так, как знаешь лицо жены. Жена умерла пять лет назад от рака лёгких, и теперь единственное лицо, которое он видел каждый день, было лицом станции — холодным, расчерчен-

ным линиями и цифрами, живущим по своим законам, не знающим ни жалости, ни усталости.

Часы на стене показывали 06:13. За окном — март, настоящий пермский март, с минус двадцатью двумя и метелью, которая была по стёклам диспетчерской горизонтальной изморозью. Кама за окном была не рекой — белой бездной, из которой вырастали силуэты береговых кранов и опор ЛЭП, словно скелеты доисторических животных, застывшие в тумане.

Виктору было шестьдесят три. Он проработал на ГЭС сорок лет — сначала слесарем, потом мастером, потом старшим сменным. Тридцать лет ночных дежурств научили его читать станцию по звукам: как плотина дышит ночью, когда давление в бьефе падает, как она вздыхает утром, когда энергосистема Прикамья просыпается и требует мегаваттов. Он помнил, как в семьдесят девятом, в свою первую смену, боялся собственной тени в коридоре, как в восемьдесят пятом принимал этот самый бункер под школой в Дзержинском, как в девяносто восьмом горел ТД-15000, и он три дня потом чувствовал запах сладкого трансформаторного масла во сне.

Сейчас станция выдавала 420 из 552 возможных — нормально для мартовской ночи, когда потребление низкое и промышленность ещё не вошла в пик. Двадцать три гидроагрегата работали вполсилы, как лошади на привязи, и Виктор слышал их ровное гудение сквозь стены — знакомое, почти родное, как дыхание спящего ребёнка.

Он поднёс стакан к губам. Чай был горячим, крепким, с двумя ломтиками сахара вприкуску, из жестянки «Принцесса Нури», которую Нина покупала всю жизнь. Именно в этот момент — в 06:13:47 по станционным часам, которые шли точнее московских, потому что от них зависела частота в сети, — мнемосхема дёрнулась.

Не мигнула. Дёрнулась. Все лампочки одновременно вспыхнули ярче, потом потускнели на долю секунды, словно кто-то включил и тут же выключил мощный светильник. Виктор поставил стакан, чай пролился на журнал дежурства, расплывшись коричневым пятном поверх записи о смене.

— Миша, — позвал он, и голос его прозвучал спокойно, слишком спокойно для человека, который только что увидел невозможное. — Ты видел?

— Что? — Григорьев вышел из соседней комнаты, зевая, потирая глаза кулаком. Ему было тридцать два, он работал на ГЭС пять лет и считал себя специалистом. Виктор считал его мальчишкой — тем самым мальчишкой, который путает частоту сети с напряжением и верит, что автоматика всегда права.

— Перепад. В сети.

Виктор смотрел на приборы. Частота — 49.8 Гц, норма — 50.0. Отклонение в две десятых, допустимое, неприятное. Он уже стоял у пульта, пальцы бегали по кнопкам с той уверенностью, которая приходит только после десяти тысяч таких вот ночей.

— Сброс нагрузки, — сказал Григорьев, подходя ближе.
— Может, где-то авария на линии. Пермская ТЭЦ-9 отвалилась.

— ТЭЦ-9 не даёт такого перепада, — отрезал Виктор. — Это станция. Наше оборудование.

Он вызвал на экран параметры водосбросов. Затворы, шестнадцать штук, все должны быть закрыты, все были закрыты. Цифры показывали одно, а стрелки — другое, и Виктор почувствовал, как холодок пробежал по спине, тот самый холодок, который он не чувствовал уже лет двадцать.

— Миша. Смотри на затворы.

Григорьев подошёл, наклонился, и Виктор увидел, как у мальчишки расширяются зрачки.

— Давление в камере управления. Ноль. Ноль целых, ноль десятых. Все шестнадцать.

— Это невозможно, — прошептал Григорьев.

— Это факт, — Виктор уже тянулся к телефону прямой связи с машинным залом. — Машзал, диспетчер. У вас всё нормально?

Тишина. Не гудение, не шум, не треск помех — полная, ватная тишина, в которой слышно было только, как капает где-то вода и как стучит собственное сердце. Телефон мёртв.

— Линия оборвана, — сказал Виктор. — Иди в машзал. Бегом.

Григорьев побежал, топая берцами по бетонному полу, и Виктор остался один. Он смотрел на мнемосхему, и лампоч-

ки гасли одна за другой — не все сразу, по очереди, как свечи на торте, задуваемые ветром. Агрегат номер семнадцать. Потом двенадцать. Потом пять.

В 06:14:33 завывала тревога. Звуковая сирена, которую Виктор слышал только на учениях, резанула по ушам: «Аварийный сброс воды. Всем персоналу покинуть зону плотины».

Затворы не открывались — они уже были открыты. Виктор видел это на экране: стрелки приборов показывали «ОТКРЫТО», хотя он сам не давал команду, и не Григорьев, и не автоматика — автоматика требовала закрытия при падении давления. Кто-то или что-то открыло затворы извне, изнутри, или они открылись сами, потому что система управления умерла.

Виктор побежал — не к выходу, к машинному залу. Он знал каждый метр: лестница из диспетчерской, коридор с шкафчиками для спецодежды, тяжёлая дверь в машзал. Тридцать лет, и ноги помнили путь лучше, чем голова, и он бежал, как бежал в молодости, когда пожарные краны рвались и надо было закрыть задвижку, пока не поздно.

Машинный зал встретил его гулом — не обычным гулом турбин, другим, низким, вибрирующим, как гул желудка у голодного зверя. Вода в бьефе бежала не туда, куда должна, и Виктор почувствовал это через подошвы — плотина дрожала. Не вибрировала от работы агрегатов, дрожала от напряжения, от того, что сейчас произойдёт то, чего не должно было произойти за шестьдесят лет эксплуатации.

— Миша! — крикнул Виктор.

Григорьев стоял у пульта гидроагрегата номер одиннадцать, тянулся к аварийной кнопке, и руки его дрожали так, что пальцы не попадали по пластмассе.

— Не работает! Ничего не работает! Затворы не закрываются!

— Аварийный шлюз! — Виктор рванулся к пожарному шкафу. — Закрывать вручную!

Он открыл шкаф — внутри гаечные ключи, рычаги, инструкция на жёлтом листе, которую Виктор знал наизусть. Рычаги были для людей, а то, что происходило сейчас, было слишком быстрым для людей.

В 06:15:47 грянул первый взрыв.

Не ядерный, не газовый — термобарический, детонация трансформаторного масла в блоке номер семь. Масло нагрелось, замкнуло обмотку, вскипело, превратилось в пар, пар встретился с искрой, искра была там, где её не должно было быть, потому что защита отключилась за секунду до этого. Волна ударила Виктора в спину — не огненная, воздушная, и он полетел, ударился о перила, упал на бетонный пол, и уши заложило, как в детстве, когда он нырял в Каму с мостика и не рассчитал глубины.

Он видел, как Григорьев отлетает к стене, как рубашка на нём загорается, как он пытается бежать, и ноги не слушаются. Второй взрыв — в блоке номер три, третий — в блоке номер пятнадцать, цепная реакция, каскад, тот самый кас-

кадный сбой, который инженеры просчитывали на компьютерах, и не верили, что он возможен в реальности.

Виктор поднялся — колено болело, ушиб, возможно перелом, он не чувствовал. Он смотрел на плотину, и плотина смотрела на него — шестьсот пятьдесят метров длины, тридцать пять метров высоты, водосбросные затворы, рассчитанные на шестнадцать тысяч кубометров в секунду. Сейчас через них шло больше, намного больше, и не потому, что воды было слишком много, потому что структура была повреждена взрывами внутри здания станции.

Виктор увидел, как по телу плотины побежала трещина — не метафора, реальная трещина, шириной в палец, потом в кулак, потом в голову. Бетон раскрывался, как рот, зевнувший после сна, и вода вырывалась сквозь него чёрной, маслянистой, со вспененными комьями льда.

— Нет, — прошептал Виктор.

Он знал, что будет дальше, знал это лучше, чем знал свою собственную смерть. Плотина не рухнет сразу — она умрёт частями. Сначала водосбросная, шестьсот пятьдесят метров, потом пойменная, тысяча сто шестьдесят шесть метров. Вода пойдёт вниз по течению — не цунами, гидроудар, волна высотой в три-четыре метра, которая сметёт всё на набережной, в историческом центре, на Коммунальном мосту.

Виктор побежал к выходу — не от страха, от расчёта. Если он останется в машзале, он умрёт через минуту. Если он выбежит на берег, он умрёт через пять минут. Если он за-

бежит в бункер аварийного штаба, который стоит на возвышенности за плотиной, он может выжить.

Он бежал по коридору, который заливало водой — ледяной, с примесью масла и крови, пахнувшей сладковато, по-карамельному. Виктор падал, вставал, падал, вставал, колена не держало, он полз на четвереньках, потом снова бежал. За спиной второй этаж обрушивался, железобетонные плиты падали, как домино, и он слышал, как кричит Григорьев, или ему кажется, что слышит, или это кричит сама станция, прощаясь с ним.

Он выбрался наружу. Метель ударила в лицо, ветер — двадцать метров в секунду, горизонтальная изморозь, режущая кожу. Виктор не заметил, он смотрел на Каму.

Кама была чёрной — не потому, что ночь, ночь уже кончалась, на востоке серел рассвет. Кама была чёрной от масла, от пены, от грязи, которую волна срывала со дна, и она росла — не медленно, быстро, как живое существо, которое проснулось и решило, что берега — это временная помеха.

Виктор побежал вверх, к бункеру, каждый шаг — боль в колене, каждый вдох — лёгкие обжигало морозом. Он не оглядывался, он знал, что позади него умирает то, к чему он отдал сорок лет, и вместе с ним умирает что-то внутри него, то, что он не мог назвать, но что было важнее сердца.

В 06:22 он добрался до бункера, закрыл за собой дверь — тяжёлую, герметичную, рассчитанную на ядерный удар. Он сел на пол, достал из кармана пачку «Беломора», и руки

дрожали так, что он не мог закурить. Через дверь доносился гул — не взрыв, рождение, рождение новой реки, которая не знала берегов.

Виктор закурил, и впервые за пятьдесят лет он плакал — не вслух, просто слёзы текли по морщинам, смешиваясь с кровью со лба, и падали на брезентовый ватник, который Нина чинила ему прошлой зимой, и который теперь был пропитан потом, кровью и запахом гари.

— Прости, — сказал он неизвестно кому — станции, Каме, городу, себе.

За дверью началась новая эпоха.

АРТЁМ. ПАТРУЛЬ

БТР-80 полз по улице Монастырской со скоростью тридцать километров в час, гусеницы оставляли в снегу две глубокие колеи, и метель тут же затягивала их белой ватой. Артём Ковалёв стоял в командирском люке, держась левой рукой за поручень, а правой прижимая к груди ремень автомата — так привык ещё в Чечне, чтобы оружие не вырвало при резком манёвре.

Ему было тридцать пять, рост метр восемьдесят два, вес семьдесят восемь — цифры, которые он знал наизусть, как знал количество патронов в каждом магазине. За плечами — два года в Перми после Дагестана, после того вечера в горах, когда осколок мины унёс половину взвода, ему оставил только шрам на бедре и привычку не спать по ночам. В нагрудном кармане лежало фото сына — Мишка, семь лет, живёт

с матерью в Екатеринбурге, и Артём не доставал его уже два месяца, потому что каждый раз, когда доставал, руки начинали дрожать, а командиру дрожать нельзя.

Город в шесть утра казался вымершим. Обычно к этому часу на Монастырской уже гудели трамваи, стучали колёса грузовиков, спешивших на развозку, пахло свежим хлебом из пекарни на углу. Сегодня — только метель да тишина, настолько густая, что слышно было, как снег скрипит под гусеницами.

— Связь, — бросил он через плечо, не оборачиваясь.

Лейтенант Орлов протянул рацию, и пальцы его дрожали — не от холода, от страха, который Орлов научился прятать за внешним спокойствием только месяц назад, после первого боевого выезда. Артём понимал это по тому, как мальчишка избегал смотреть в сторону Гайвы, откуда небо уже начало светлеть неестественным, болезненно-оранжевым светом.

— УКВ молчит, товарищ капитан, — доложил Орлов. — Только помехи.

Артём нахмурился, прокручивая ручку squelch. В эфире обычно всегда кто-то был — дальнобойщики, таксисты, патрульные — даже в такую погоду. Сегодня — пустота, словно кто-то выключил город, как радиоприёмник.

— Вперёд, — сказал он водителю. — Блокпост на набережной, быстрее.

БТР ускорился, двигатель КамАЗ-7403 заурчал громче, из выхлопной трубы повалил чёрный дым, который метель тут

же рвала на ключья. Артём смотрел вперёд, в серую пелену, из которой выплывали фонари и силуэты домов — знакомые до боли, до тошноты, до слёз, которые он не позволял себе лить уже два года.

В 06:16 он увидел свет.

Не рассвет — рассвет был позади, на востоке, медленный и тусклый, как всегда в марте. Этот свет шёл из-за домов, с направления Гайвы, и был он оранжевым, густым, пульсирующим, словно кто-то зажёл там гигантскую печь.

— Что это? — спросил Орлов, и голос его дрогнул.

— ГЭС, — ответил Артём. Он знал — тем самым знанием, которое приходит не из головы, а из нутра, из шрамов, из памяти тела. — Камская ГЭС.

В 06:17 они увидели волну.

Она пришла не с Камы — она пришла по Каме, чёрная, маслянистая, с белыми гребнями пены, высотой сначала в три метра, потом в четыре, потом в пять. Она двигалась со скоростью, с которой не движется ничто живое, словно сама река восстала против берегов. Это была не вода — это была стена, которая сдвинулась с места и шла, сметая всё на своём пути.

— Назад! — крикнул Артём, и голос его сорвался на хрип. — Разворот!

Водитель выкрутил руль, БТР занесло на льду, гусеницы проскальзывали, цепляясь за асфальт, и в этот миг Артём увидел, как волна накрывает набережную. Не заливают — на-

крывает, как одеялом, как рука гиганта, сжимающая кулак. Пешеходный мостик через овраг исчез за долю секунды, киоск с шаурмой — тоже, женщина в пальто, бежавшая по набережной, — тоже, она просто растворилась в чёрной воде, и Артём не увидел, успела ли она крикнуть.

Волна ударила в борт, машину опрокинуло — не медленно, не плавно, резко, как игрушку, которую пнул ребёнок, и Артём вылетел из люка, помня только полёт — короткий, метра два, — и удар о снег, холодный, мокрый, с привкусом машинного масла и крови.

Он лежал на спине, смотрел вверх, в небо, по которому ползли серые тучи, и метель била ему в лицо мелкими колючими иглами. В ушах звенело — высоко, тонко, как в детстве, когда он упал с велосипеда и разбил коленку, и мать несла его домой, прижимая к груди, и пахло от неё молоком и духами «Красная Москва». Память пришла сама собой, непрощеная, и Артём отогнал её усилием воли — не время, не место.

Он попытался встать. Ноги держали, руки тоже — тело помнило войну лучше, чем голова. Осмотрелся — и сердце сжалось от удара, не физического, а того, что бьёт изнутри.

БТР лежал на боку, как убитый зверь, гусеницы вертелись в воздухе, брызгая снегом, из люка торчали ноги водителя — неподвижные, мёртвые, и Артём знал этого водителя — рядовой Срочный, девятнадцать лет, из-под Кунгура, который показывал ему фото невесты и собирался на свадьбу в мае.

— Орлов! — крикнул Артём, и голос его прозвучал чужим, хриплым, не его собственным.

Тишина. Только гул воды, который теперь был повсюду, заполнял уши, давил на грудь. Кама вышла из берегов и шла по улицам, несла машины — «Ниву», «Газель», контейнер для мусора, всё, что было легче бетона, плыло в чёрной реке. Артём видел, как мимо проплывает детская коляска — пустая, перевёрнутая, с прилипшим к дну плюшевым мишкой, и что-то внутри него оборвалось, тихо, беззвучно, как рвётся нитка, которую слишком сильно натянули.

Он побежал — не к воде, от воды, вверх, к перекрёстку, где Монастырская встречалась с Ленина, там был подъём, вода туда не дойдёт, по крайней мере сразу.

На перекрёстке он нашёл раненого — мальчишка лет шестнадцати, в школьной форме, с рюкзаком, нога сломана, видно по углу, под которым торчала стопа, неестественно вывернутая. Мальчишка кричал — не от боли, от ужаса, потому что видел, как вода несла тела, некоторые из этих тел ещё двигались.

— Тихо, — Артём поднял мальчишку на руки, лёгкого, невесомого, как птица, и почувствовал, как тот дрожит всем телом, как дрожал он сам в девять лет, когда отец ушёл на войну и не вернулся. — Я военный. Я помогу.

Он не знал, поможет ли, обязан был сказать — это была часть работы, часть той лжи, которую военные говорят гражданским, чтобы те не сошли с ума от ужаса.

Он понёс мальчишку к зданию банка, там были ступени — высокие, вода до них не доберётся, по крайней мере сейчас. На ступенях уже сидели люди — три женщины, двое мужчин, старик, все мокрые, все в шоке, с глазами, в которых застыл один и тот же вопрос: почему я?

Артём положил мальчишку, осмотрелся, внизу, на набережной, вода уже отступала, не полностью, уходила вниз, к Каме, оставляя после себя слой грязи, льда, обломков и тел. Тела лежали на асфальте, на снегу, на крышах припаркованных машин, некоторые двигались, некоторые кричали, некоторые просто лежали, глядя в небо, и Артём считал их — двадцать, тридцать, сорок — счёт сбивался, он бросил считать, потому что это было бессмысленно.

Тут он увидел первую.

Женщина в пальто стояла на коленях над мужчиной, который лежал на спине, она наклонилась к нему, и Артём сначала подумал — помогает, врач, или жена, или просто человек, который не прошёл мимо, сердце его дрогнуло от надежды, что в этом аду ещё осталось что-то человеческое.

Он подошёл ближе — на три метра, на два, спросил тихо, почти шёпотом: «Ему нужна помощь?»

Женщина не подняла головы, она что-то делала с шеей мужчины — наклонялась, прижималась губами, и Артём подумал — искусственное дыхание, он видел такое на учениях, на миг ему стало легче, на миг он поверил, что ещё не всё потеряно.

Потом он увидел кровь.

Она текла по асфальту, смешиваясь с водой, была яркой, алой, слишком живой для мёртвого тела, и тогда он понял — она не дышит в него, она выдыхает из него, она рвёт зубами его горло, голова мужчины дёргается, потому что он ещё жив, он кричит, крик беззвучен, потому что горло разорвано.

Женщина подняла голову, лицо её было в крови, глаза — пустыми, как у рыбы, вытащенной из воды, она улыбнулась ему — улыбнулась, и в улыбке было что-то детское, невинное, от этого стало страшнее, чем от любого монстра, монстры не улыбаются.

Она встала и пошла на него — не побежала, пошла, представляя ноги, как заводная кукла, Артём выхватил пистолет, рука дрожала, он ненавидел себя за эту дрожь, за эту слабость, которая возвращалась каждый раз, когда приходилось стрелять в того, кто ещё вчера был человеком.

— Стой, — сказал он, и голос его был твёрдым, не таким, как внутри. — Я военный. Я стреляю.

Она не остановилась, она шла, улыбка не сходила с её лица, Артём выстрелил — в грудь, она упала, встала, выстрел в голову — она упала окончательно, улыбка погасла, оставив только пустоту. Артём стоял, сжимая пистолет, смотрел на тело, на дыру во лбу, понимал, что только что убил человека, или то, что было человеком, разница между ними уже не имела значения.

Он обернулся — мальчишка со ступеней смотрел на него

широкими глазами, в которых был один вопрос: почему вы это сделали. Артём не ответил, ответа не было, не будет никогда.

Он смотрел вдаль, на Гайву, где небо было чёрным от пожара, на Химпром, где поднимался жёлтый столб, на Мотовилиху, где красное пламя лизалось к низким облакам. Три точки, треугольник, он стоял в центре.

— Снег, — сказал он, и голос его был чужим, не его собственным. — Снег идёт.

Снег пошёл — тяжёлый, мокрый, радиоактивный, падал на тела, на воду, на пожар, всё это вместе выглядело так, словно мир решил начать всё сначала, с чистого листа, с белого листа, который быстро становился чёрным.

МАКС. ОБЩАГА

Максим Громов проснулся от того, что стекло вылетело. Не разбилось — вылетело целиком, рама, стекло, подоконник, всё это ушло наружу с грохотом, который Макс сначала принял за удар грома. Грома в марте не бывает, звук был не гулким, острым, как вскрик.

Макс лежал на верхней полке в комнате общежития №7 на улице Героев Хасана, в Свердловском районе, на нижней террасе, откуда до Камы было всего пять минут ходьбы. Ему было двадцать четыре, он учился на радиотехническом факультете ПНИПУ, специальность «инфокоммуникационные технологии», знал, как работает радиоприёмник, как настроить антенну, как поймать сигнал спутника. Он не знал, как

выжить, когда окно вылетает вместе с рамой.

— Что за... — начал сосед по комнате Костя с нижней полки, и не договорил.

Второй взрывной волны не было, был только звук — да-лёкий, низкий, как бурчание желудка у гиганта. Макс почувствовал его в груди, вибрация заставила сердце пропустить удар, и на миг ему показалось, что он умер, и это было самое страшное ощущение в его жизни.

Он спрыгнул с полки босиком, в трусах и футболке, пол был ледяным — отопление в общежитии работало плохо всегда, сейчас, похоже, не работало вообще. Он подбежал к окну — окна не было, был прямоугольник, обрамлённый снегом и осколками стекла, за ним — рассвет, метель, три столба дыма.

Первый — чёрный, толстый, как колонна, в районе Гайвы. Макс знал, что там ГЭС, проезжал мимо неё на троллейбусе, смотрел на плотину и думал, что это самое надёжное сооружение в мире. Второй — жёлтый, низкий, стелющийся, в районе Индустриального, там были химические заводы, он знал, потому что раз в месяц ветер приносил запах, и все закрывали окна. Третий — красный, с языками пламени, там, где Мотовилихинские заводы, он знал, потому что заводской гудок будил его каждое утро.

— Три точки, — прошептал Макс. — Треугольник.

— Что? — Костя встал, накинул куртку. — Макс, что происходит?

— Я не знаю, — Макс одёрнул джинсы со стула, натянул их на мокрые ноги. — Мне кажется...

Он не договорил, потому что внизу, на улице, раздался крик — не один, много, хор криков, которые слились в одно звучание, звук, который Макс никогда не слышал в Перми, звук паники, не такой, как когда команда проигрывает хоккей, такой, как когда люди бегут от смерти.

Макс выглянул в окно — внизу, на улице Героев Хасана, бежали люди, десятки, с сумками, чемоданами, детьми на руках, кто-то без обуви, кто-то в одном халате, кто-то нёс собаку, все бежали в одну сторону — от Камы, от Гайвы, от чёрного столба.

— Мы должны уходить, — сказал Костя.

— Куда? — Макс смотрел на толпу. — Куда они бегут?

— От воды. ГЭС взорвалась. Вода пойдёт сюда.

Макс посмотрел на карту в голове — ГЭС была на Гайве, на левом берегу, общежитие — на правом берегу, в Свердловском районе, на нижней террасе. Вода должна была обойти центр, пойти вниз по течению, если плотина рухнула полностью, низины зальёт первыми.

— Куда? — Костя уже натягивал ботинки. — К реке? Или в подвалы вокзала?

— Нет, — Макс отстранился. — Ветер северо-западный. Облако понесёт в низину, к набережной. Вода с ГЭС ударит по правому берегу именно здесь, мы слишком низко. В подвалы лезть нельзя — там химия осядет и задушит, или всё

зальёт. Нужно выше. На верхнюю террасу.

— Куда именно?

— Наверх, к улице 1905 года или на Красную Горку. Там рельеф выше, ветер снесёт химию, вода не достанет.

— Это же через весь район в гору!

— Здесь смерть. Иди, если хочешь. Я иду вверх.

Макс свернул с Героев Хасана, направляясь к крутому подъёму, вверх, к верхней террасе, к Красной Горке. Костя посмотрел ему вслед, потом рванул в сторону низины, к вокзалу.

Макс бежал один, метель била в лицо, за спиной — четыре столба, перед ним — холм, который он должен был преодолеть до того, как химия догонит. Он бежал, в голове уже начинала выстраиваться формула — не математическая, жизненная: скорость ветра, скорость облака, расстояние, время. Если время больше нуля — он выживет. Если нет — нет.

Он не знал ответа. Бежал.

ИГОРЬ. БАЗА

Игорь Волков поднял последний ящик с капустой и поставил его в кузов «КамАЗа» — ящик был тяжёлым, двадцать килограммов, Игорь поднял его легко. Ему было двадцать восемь, рост метр девяносто восемь, вес сто двадцать килограммов, он работал грузчиком на оптовой базе в Индустриальном районе уже пять лет, за это время поднял тонны картошки, моркови, капусты, яблок. Спина у него была стальная, руки — как лопаты, лицо — спокойное, как у медведя

после обеда.

База находилась на улице Промышленной, рядом с микрорайоном Нагорный, Игорь знал запах — каждое утро, когда ветер дул с запада, пахло хлором, аммиаком, чем-то химическим, что резало нос. Он привык, как привык к холоду, к тяжести ящиков, к тому, что жизнь — это просто последовательность подъёмов и опусканий.

Сегодня было холоднее обычного — минус двадцать два, ветер с Камы пробирал под воротник. Игорь был в рабочей куртке, ватных штанах, валенках, на голове — ушанка, он выглядел как все грузчики в Перми: большой, неразговорчивый, незаметный.

— Волков! — крикнул начальник смены из будки. — Последний рейс! Потом закрываемся! Метель усиливается!

Игорь кивнул — он не любил разговоры, любил действия: поднять, нести, поставить, повторить.

Он взял следующий ящик, в этот момент услышал звук — не взрыв, вздох, такой, какой издаёт человек, когда видит то, что невозможно описать, вздох, который слышал весь микрорайон.

Игорь повернулся.

С улицы Промышленной, с направления промзоны, шло облако — не дым, облако, жёлто-зелёное, плотное, как сметана. Оно стелилось по земле, заполняло улицу, двигалось со скоростью человеческой быстрой ходьбы, три-четыре километра в час, не быстро, неостановимо.

Люди на улице бежали от него. Напротив, у остановки, женщина с коляской замерла, смотрела на облако, как кролик смотрит на удава, не бежала, просто смотрела.

— В бункер! — крикнул начальник смены. — Всем в холодильную камеру!

Игорь не пошёл — он смотрел на женщину с коляской, она была в двадцати метрах от облака, она наконец двинулась, бросила коляску и побежала. Облако было быстрее, оно накрыло её сзади, как одеяло.

Она крикнула — один раз, потом упала. Игорь видел, как она лежит на снегу, облако обволакивает её, как медуза обволакивает рыбу, она дёрнулась, потом замерла. Что-то внутри Игоря оборвалось — не жалость, он не умел жалеть, что-то другое, более тяжёлое, более тёмное, осознание того, что мир, который он знал, кончился пять минут назад, и он просто не успел этого заметить.

— Волков! — начальник смены уже стоял у двери холодильной камеры. — Беги, идиот!

Игорь побежал — не к камере, к стене, к противогазам. На базе были противогазы — не военные, строительные, для работы с пылью, лучше, чем ничего. Игорь схватил один, натянул на голову, закрутил фильтр, запах резины смешался с запахом страха.

Облако подошло к базе — Игорь видел, как оно заполняет двор, скрывает машины, поднимается по стенам. Он забежал в холодильную камеру, закрыл за собой дверь — тяжёлую,

металлическую, с уплотнителем.

Внутри было темно и холодно — минус пять. Начальник смены сидел на ящике с яблоками, дрожа, ещё двое грузчиков стояли у стены, бледные.

— Что это? — спросил один из них.

— Хлор, — сказал Игорь. Он знал, чувствовал запах даже через фильтр — едкий, горький, как порошок для стирки, только в тысячу раз сильнее. Или фтор. Или оба.

— Сколько времени? — спросил начальник.

— Не знаю, — Игорь снял ушанку, откинул капюшон. — Мы не можем сидеть здесь вечно. Кислорода хватит на... он посмотрел на объём камеры, на количество людей. На четыре часа. Потом мы задохнёмся.

— Четыре часа, — начальник закрыл лицо руками. — Четыре часа до смерти.

Игорь не ответил — он сел на пол, спиной к стене, противогаз давил на лицо, он закрыл глаза. В голове у него не было плана, не было надежд, был только вес ящиков, которые он поднимал каждый день, мысль о том, что сегодня он поднимет последний.

Он сидел и слушал, как за дверью шипит химия, как мир снаружи умирает, как внутри камеры четыре человека дышат последним чистым воздухом Перми.

АННА. МОСТ

Анна Лебедева ненавидела ночные смены — не потому что было скучно, скучно было днём, когда вызовы сводились

к давлению, температуре и бабушкам, которые звонили скорой, потому что им было одиноко. Ночью было интереснее — драки, отравления, аварии, ночью ты не спал двадцать четыре часа, к утру мозг превращался в вату.

Ей был тридцать один, она работала врачом скорой помощи Пермской станции пять лет, за это время она видела смерть во всех её проявлениях — быструю, медленную, глупую, справедливую. Она думала, что видела всё.

Она ошибалась.

Машина скорой помощи — «ГАЗель» с реанимационным модулем — ехала по Коммунальному мосту в 06:15, вызов был странный: «Мужчина на набережной, агрессивное поведение, атакует прохожих». Не инфаркт, не травма, полиция должна была ехать, полиция была занята — метель, аварии, пробки, скорая поехала на всякий случай, может, наркотики, может, психоз.

Анна сидела на заднем сиденье, рядом с фельдшером Сергеем, водитель — Вадим — вёл машину осторожно: мост был обледенелым, метель слепила фары. За окном проплывали фонари, силуэты машин, чёрная Кама внизу, и Анна думала о том, что сегодня суббота, и она обещала дочери испечь пирог с яблоками, и что яблоки нужно купить по дороге домой, и что эта мысль сейчас кажется ей самой нелепой на свете.

— Смотри, — сказал Сергей.

Он показал на левый берег — там, в районе Гайвы, небо было оранжевым, не рассвет, рассвет был розовым, это был

пожар или взрыв.

— ГЭС, — сказал Вадим. — Что-то случилось на ГЭС.

— Быстрее, — сказала Анна, хотя не знала, зачем, инстинкт.

В 06:17 мост дрогнул — не сильно, как будто по нему проехал тяжёлый грузовик, тяжёлых грузовиков в такую погоду не ездило, грузовик не заставляет мост дрожать всей конструкцией.

— Что это? — Вадим сбросил скорость.

— Волна, — сказал Сергей, он смотрел в зеркало. — Смотри. Волна.

Анна обернулась — за задним стеклом, внизу, у левого берега, Кама встала, не метафора, вода поднялась на три-четыре метра, накрыла набережную, пошла вверх по склону, она двигалась к мосту.

— Езжай! — крикнула Анна.

Вадим нажал на газ, «ГАЗель» рванулась вперёд, мост дрожал всё сильнее, Анна видела, как вода подбирается к опорам, как бьёт в них, как поднимается выше, выше.

— Остановись! — Анна схватила Вадима за плечо. — Мы не успеем до конца! Нужно развернуться!

— На мосту?! — Вадим был бледен.

— Да! Быстрее!

Вадим крутанул руль, «ГАЗель» занесло, колёса проскользывали по льду, машина развернулась поперёк моста, в это время волна ударила в опору.

Удар был не громким — глухим, как будто кто-то стукнул в дверь кулаком размером с дом. Мост дёрнулся, Анна удалилась головой о перегородку, звёзды.

— Вперёд! — она не чувствовала лба. — Вперёд, назад, куда угодно, только вперёд!

Вадим нажал на газ, машина поехала назад, к левому берегу, вода уже была там, она залила набережную, подошла к подходам моста. «ГАЗель» остановилась — впереди вода, позади мост, который может обрушиться.

— Выйдем, — сказала Анна. — На мост. Высшее место.

Они вышли — ветер ударил в лицо, метель ослепила. Анна взяла сумку с медикаментами, Сергей — дефибриллятор, Вадим — ничего, он просто стоял, смотря на воду.

На набережной, внизу, люди бежали, кто-то кричал, кто-то плавал, кто-то лежал на спине, глядя в небо, не двигался. Анна побежала к ближайшему — женщина, лет сорока, в мокром пальто, лежит на снегу, дышит, глаза открыты.

— Я врач, — Анна опустилась на колени. — Где вас ударило?

Женщина не ответила — она смотрела на Анну, не видела, зрачки расширены, шок.

— Сергей! Атропин!

Сергей подбежал, достал ампулу, Анна вколола, женщина даже не пошевелилась.

— Анна, — голос Сергея был странным. — Смотри.

Он показал на другую сторону моста — там, у разворота,

стоял мужчина, средних лет, в куртке, мокрый, он стоял на коленях над другим мужчиной, тем, который лежал на спине.

Он кусал его.

Не драка, не самозащита — кусал, вонзил зубы в шею лежащего, голова его двигалась, как у акулы, отрывающей кусок от тюленя.

— Боже мой, — прошептал Вадим.

Мужчина поднял голову — кровь на губах, он увидел Анну, встал, пошёл, не бежал, пошёл, медленно, уверенно, как будто шёл на работу. Глаза — пустые.

— Назад, — сказала Анна. — Медленно. Не бегите. Не раздражайте.

Она отступала к машине, Сергей — за ней, Вадим — позади, мужчина приближался — ещё пять метров, четыре, три.

— Анна, — Сергей достал нож, хирургический. — Я...

— Не надо, — Анна схватила его за руку. — Мы врачи. Мы не убиваем.

— Он не человек!

Мужчина бросился — быстро, неожиданно, он прыгнул на Сергея, сбил его с ног, нож выпал, мужчина вцепился в горло фельдшера. Сергей кричал, Анна схватила сумку, ударила мужчину по голове, он не отреагировал, он продолжал давить.

Вадим подбежал сзади, схватил мужчину за плечи, оттащил, тот вырвался, как рыба из рук, бросился на Вадима, тот упал, ударился головой о бордюр, замер.

Анна стояла одна, с сумкой в руке, перед ней — мужчина с кровавым ртом, за ним — ещё один, ещё, они выходили из воды, из-за машин, из тумана, все мокрые, все с пустыми глазами, все шли к ней.

Она бросилась к «ГАЗели», запрыгнула в кабину, закрыла двери, завела мотор.

Мужчины окружили машину, стучали в стёкла, царапали краску, один залез на капот, смотрел ей в глаза сквозь лобовое стекло. Анна включила заднюю передачу, машина рванулась, мужчина на капоте упал, она переехала его, почувствовала толчок, не остановилась.

Она ехала по мосту, между брошенными машинами, между бегущими людьми, между теми, кто уже не бежал, счётчик на панели показывал 60 км/ч, быстро для льда, медленно для смерти.

В зеркале она видела мост — он стоял, трещал, в центральных пролётах вода, высокая, чёрная, с обломками. Мост не утонет, может обрушиться.

Она выехала на правый берег, Свердловский район, там тоже был хаос, другой, не вода — огонь, дым, запах, тот самый запах хлора, который она знала по больничным палатам, только в тысячу раз сильнее.

Она остановила машину у обочины, вылезла, забрала сумку, посмотрела на город.

Пермь горела — три столба, чёрный, жёлтый, красный, четвёртый — белый, снег, который шёл на всё это, как по-

крывало на труп.

Анна закурила — первую сигарету за пять лет, она смотрела на мост, на который она больше не поедет, на город, который она больше не вылечит, на жизнь, которая закончилась в шесть семнадцать утра.

— Что теперь? — спросил голос за спиной.

Она обернулась — мальчишка, лет шестнадцати, в школьной форме, с раненой ногой, рядом — военный, в мокрой форме, с пистолетом.

— Теперь, — сказала Анна, — мы выживаем.

СНЕГ. ЭПИЛОГ ПРОЛОГА

Артём стоял на набережной и смотрел на город.

Вода отступила — не полностью, Кама всё ещё была выше нормы, берега были затоплены на метр. Волна ушла, оставив после себя то, что она собрала: машины, киоски, тела, деревья, обломки мостов, куски плотины.

Он стоял один — мальчишка, которого он спас, ушёл с женщинами, нашедшими убежище в подвале банка. Артём остался — не потому что был героем, потому что не знал, куда идти.

За спиной — Гайва, где ГЭС горела чёрным пламенем. Перед ним — центр, где дома стояли, окна были выбиты. Справа — Коммунальный мост, где машины стояли в бесконечной пробке, между ними люди, которые не выйдут. Слева — Кама, чёрная и тихая, которая уже забыла, что было пять минут назад.

Снег шёл — тяжёлый, мокрый, неправильный, не мартовский, не пермский. Этот снег был тёплым, или Артёму так казалось, потому что он замёрз, когда снежинка упала на его руку, он увидел, что она серая, не белая, серая, с чёрными вкраплениями.

Радиоактивный снег.

Он знал — не знал откуда, может, из разрушенных хранилищ, может, из пожара на Мотовилихе, знал, что этот снег убивает медленно, что он оседает на коже, попадает в лёгкие, накапливается, что через год, или пять, или десять, те, кто вдыхал этот снег, начнут умирать.

Сейчас он стоял и смотрел, как снег падает на тела, на воду, на огонь, как он тушит пожар, не потому что холодный, потому что его слишком много. Снег накрывал город, как одеяло, под этим одеялом Пермь засыпала — не умира-ла, засыпала, как зверь, который уходит в спячку, зная, что проснётся другим.

Артём услышал шаги, обернулся.

Из-за угла, из подворотни, вышла группа — трое. Женщина в белом халате — врач, судя по всему, с сумкой через плечо. Мальчишка — тот самый, с раненой ногой, на костыле из доски. Ещё один — высокий, огромный, в рабочей куртке и противогазе на голове, он нёс на плече мешок.

— Вы военный? — спросила женщина.

— Да, — сказал Артём.

— Есть план?

— Нет.

— Есть оружие?

Артём посмотрел на пистолет в руке — Макаров, один магазин, семь патронов.

— Есть, — сказал он.

— Тогда ведите, — сказала женщина. — Мы за вами.

Артём посмотрел на них — на врача, которая ещё верила, что может помочь, на мальчишку, который ещё не понял, что мир кончился, на гиганта, который просто стоял и ждал приказа, как ждал приказа всю жизнь — поднимать, нести, поставить.

Тут Артём понял, что это не конец — это начало, не того, что было, того, что будет, что-то новое, что-то, что не имеет названия.

Он посмотрел на небо — три столба всё ещё стояли, чёрный над Гайвой, жёлтый над Индустриальным районом, красный над Мотовилихой, к ним добавился четвёртый, белый, снег, он поднимался от земли, как туман, смешивался с дымом, создавая нечто новое — небо, которого раньше не было.

— Пойдём, — сказал Артём. — Нужно найти укрытие до темноты. Ночью здесь будет хуже.

— Куда? — спросил мальчишка.

— Вверх. На Красную Горку. Там бункеры — старые, советские, они выдержат.

Они пошли — четверо, по набережной, по которой ещё

час назад ездили машины, гуляли люди, жила обычная пермская жизнь. Теперь это был путь через руины, через тела, через снег, который падал и падал, не зная, когда остановиться.

Артём шёл первым, пистолет наготове, за ним — врач, за ней — мальчишка, замыкал гигант, который оглядывался каждые десять шагов, как будто ждал, что кто-то подойдёт сзади и скажет: «Эй, Волков, где ящик с капустой?»

Никто не подходил — за спиной у них оставался город, который умирал, не сразу, медленно, кусками, как умирает всё большое — не от одного удара, от тысячи мелких ран.

Они прошли мимо банка, в подвале которого прятались выжившие, мимо театра, где ещё вчера шла премьера, мимо моста, который стоял, уже не был мостом — он был границей между тем, что было, тем, что начиналось.

Артём не знал, что будет дальше, не знал, сколько они проживут, не знал, что через два года он станет «Капитаном» — лидером группы сталкеров, которые будут ходить в Зону за артефактами, не знал, что Дед выживет в бункере и станет их проводником, не знал, что Макс дойдёт до Красной Горки и выживет, потому что ветер унёс химию, не знал, что Груз выберется из холодильной камеры через три дня, когда облако рассеется, не знал, что Анна станет их медиком, будет делать уколы, зашивать раны, потом умрёт в бункере под ГЭС, отдав последний иммуностимулятор ему.

Он не знал ничего — он знал только одно: сейчас, в этот момент, он жив, они живы, они идут.

Снег всё падал — тяжёлый, мокрый, серый, падал на троих, шедших по набережной, на одного, ползущего по холму, на одного, сидящего в бункере, на одного, дышащего в холодильной камере, на тысячи тех, кто уже не дышал.

Где-то, в глубине Гайвы, в руинах Камской ГЭС, под слоем льда и обломков, что-то ещё работало — не гидроагрегаты, что-то другое, что-то, что начало свой отсчёт в 06:14:33 и продолжало тикать, как бомба замедленного действия, что-то, что дожждётся своего часа.

Об этом никто не знал — пока что.

Четверо шли по набережной, снег скрывал их следы, Пермь была мёртвым городом, в котором жили призраки, ветер с Камы нёс запах гнили и озона, никто не знал, что этот запах останется навсегда.

Артём остановился, обернулся, посмотрел на мост, на реку, на город.

— Что? — спросила Анна.

— Ничего, — сказал Артём. — Просто... запоминаю.

— Зачем?

— Чтобы потом рассказать. Если будет кому.

Они пошли дальше — вверх, к холму, к бункерам, к неизвестности. За спиной — снег, который падал и падал, стирая всё: следы, тела, память, надежды, оставляя только белое, серое, чистое поле, поле, на котором через два года начнётся война, война, которую никто не объявлял, война за выживание, война за артефакты, война, в которой снег будет крас-

ным, не белым.

Это было потом — сейчас снег, только снег.

Четверо, идущие вверх.

ДВА ГОДА СПУСТЯ

ГЛАВА 1

ЛЕДЯНОЙ ПРИГОРОД

18 ноября, 2 года спустя.

Минус пятнадцать. Туман, изморозь.

Видимость — пятнадцать метров. Ветер северо-западный, пять метров в секунду.

1. УТРО В ПОДВАЛЕ

Артём проснулся от холода — не от шума, не от света, от холода, который проник сквозь ватник, сквозь спальник, сквозь кожу и добрался до костей. Он открыл глаза, над головой был бетонный потолок, покрытый инеем, каждая трещина в нём казалась картой какой-то неведомой страны, нарисованной морозом за ночь. Справа — стеллажи с консервами, банки с тушёнкой, сгущёнкой, зелёным горошком, выстроившиеся ровными рядами, как солдаты на параде, которого никогда не будет. Слева — самодельная печь из бочки, в которой догорали опилки, отдавая последнее тепло, пахнущее горьковатым дымом и чем-то ещё, чем-то таким, что напоминает дом, которого у Артёма больше нет.

Он сел, провёл рукой по лицу — щетина, короткая, колючая, он брился последний раз три дня назад, когда была вода, и когда была вода, он не помнил. Дозиметр на запястье

— старый, армейский, СИГ-РА-07, с потёртым ремешком — показывал 0.8 мЗв/ч, терпимо, для Зоны даже хорошо, зелёный светодиод горел ровно, не мигая, и это было единственным спокойствием в этом мире.

Рядом, на топчане из досок, сколоченном Грузом прошлой весной, спала Анна. Она лежала на боку, поджав колени к груди, как ребёнок, во сне она казалась моложе, без той жёсткой складки между бровей, которая появилась за два года, без той тени, которая теперь всегда стояла в её глазах, когда она смотрела на кого-то, кого уже не могла спасти. Артём не стал её будить — она заснула только под утро, опять кашляла кровью, химический ожог лёгких не проходил, и он знал, что она не дотянет до весны, он просто не говорил ей об этом, потому что врач, который знает, что умрёт, — это слишком даже для Зоны.

— Капитан, — голос Макса был тихим, бодрым, таким, каким бывает голос человека, который старается казаться бодрым, чтобы никто не заметил, как он боится. — Вода закипела. Чай будешь?

Артём повернулся — Макс сидел у печи, в очках с самодельной оправой, проволочной, которую он сам согнул из медной проволоки прошлой зимой, когда старые очки разбились, а новых взять было неоткуда, помешивал в жестяной кружке ложкой, которая звенела о стенки тихо, осторожно, словно боялся разбудить кого-то. Рядом с ним лежал обрез ПП-19 — его гордость, переделанный из учебного оружия, с

укороченным стволom, с обмоткой на рукоятке из синей изо-ленты, которая уже начала разматываться, но Макс не менял её, потому что эта изолента была с того самого дня, когда он впервые вышел на задание, и для него она значила больше, чем вся экипировка.

— Буду, — сказал Артём. — Дед где?

— Наверху, смотрит, — Макс поднёс кружку к губам, по-дул, пар ударил ему в лицо, запотевая очки. — Говорит, ту-ман плотный, видимость — как у крота, можно выходить.

Артём встал, ноги затекли, он прошёлся по подвалу, раз-миная мышцы, три шага в одну сторону, три в другую, убе-жище было маленьким, десять на шесть метров, заставлен-ное ящиками, канистрами, рюкзаками, здесь они жили уже полгода, с тех пор как ушли из центра, после того боя у Теат-ра-Театра, когда они потеряли двоих, и после того боя Артём понял, что центр — это ловушка, что там слишком много открытых пространств, слишком много окон, слишком мно-го мест, откуда могут стрелять — люди или твари, в Зоне это уже не имело значения. Здесь было безопасно, здесь не было бегунов, здесь был только холод, голод и тишина, и тишина была хуже всего, потому что в тишине слышно было, как ка-пает вода, как трещит печь, как дышит Анна, и каждый звук напоминал, что они живы, что они ещё живы, и что это мо-жет кончиться в любую секунду.

— Груз спит? — спросил Артём.

— Нет, — ответил Игорь из угла. Он сидел на ящике из-

под снарядов, держа на коленях свою кувалду, лезвие было заточено, рукоятка обмотана изолентой, той же синей, что и на обрезе Макса, потому что изоленту они делили, как делили всё остальное — воду, еду, патроны, надежду. — Я не сплю.

— Ты вообще спишь?

— Нет, — повторил Игорь, и в голосе его не было ни укора, ни жалобы, только констатация факта, как констатируют факт о погоде или о направлении ветра.

Артём не стал спорить — Груз был молчалив, как скала, его присутствие в группе значило больше, чем слова, он был стеной, стеной, за которой можно спрятаться, и Артём знал, что если когда-нибудь эта стена упадёт, они все умрут, просто потому, что некому будет прикрыть отход.

Анна проснулась — открыла глаза медленно, словно возвращалась в этот мир из какого-то другого, более тёплого, более безопасного, села, провела рукой по лицу, кашлянула — глухо, надрывно, как кашляют старые курильщики, и в кружку, которую она держала, упали капли крови, тёмные, густые, она вытерла губы рукавом, улыбнулась, и в этой улыбке было что-то такое, от чего у Артёма сжалось сердце, потому что он знал, что эта улыбка — для них, не для неё.

— Доброе утро.

— Доброе, — ответил Артём, он не смотрел на кружку, смотрел ей в глаза, и в её глазах он увидел то, что видят все врачи в Зоне — усталость, не физическую, моральную, ту

усталость, которая приходит, когда ты слишком часто видел, как умирают люди, и слишком мало мог сделать, чтобы их спасти.

Все пили чай — молча, чай был чёрным, горьким, с добавлением сушёных яблок, которые Дед собрал прошлой осенью в заброшенном саду за школой номер девяносто пять, сахара давно не было, но горячий чай в минус пятнадцать — это роскошь, которую они могли себе позволить раз в день, и каждый глоток был как маленькая победа, как маленькое «я ещё жив», которое они говорили сами себе.

— Выходим в четыре, — сказал Артём, поставив кружку на ящик. — Путь через лесополосу, вдоль железной дороги, к Мотовилихе. Цель — контейнер с вакциной «Пермь-2», координаты получили от торговца за литр спирта и патроны. Контейнер в бункере под заводом.

— Там «шакалы», — сказал Макс, и голос его дрогнул, он поправил очки, хотя они не сползали, это был его нервный жест, который он делал каждый раз, когда боялся. — Я слышал. По рации. Они знают про контейнер.

— Слышать — одно, видеть — другое, — Артём посмотрел на него, и в его взгляде не было укора, только спокойствие, то спокойствие, которое приходит после Чечни, после того вечера в горах, когда он научился не бояться страха, а просто принимать его, как принимают погоду. — Мы пройдем.

Он посмотрел на каждого — Анна, больная, держится,

Макс, умный, нервный, Игорь, крепкий, медленный, Дед, старый, знает каждый люк, и каждый из них был для него не просто членом группы, а частью его самого, частью той жизни, которую он выбрал, когда решил, что не бросит их, не уйдёт, не оставит, как оставил взвод в первый день катастрофы, и этот долг, этот невидимый долг, который он носил в себе, был тяжелее любого рюкзака.

— Дед как? — спросил Артём.

— Сказал, что ведёт, — ответил Макс. — Он знает тепло-трассу под железной дорогой, если туман не рассеется, пойдём под землёй.

Артём кивнул, он поднялся, взял кружку, допил чай до дна, горький, с привкусом яблок и дыма, и пошёл к лестнице наверх, к люку, к миру, который ждал их, который не жалел никого, и который они не жалели в ответ, потому что в Зоне жалость была роскошью, которую не могли себе позволить даже мёртвые.

2. АННА

Он ещё не дошёл до люка, когда услышал шаги — тяжёлые, неровные, кто-то шёл по снегу снаружи, и шёл плохо, спотыкаясь, и Артём понял это по звуку, по тому, как хрустит снег под ногами, как часто и тяжело дышит человек, который идёт на пределе. Он схватил автомат, взвёл затвор, жестом показал Максусу — тишина, и сам подошёл к двери, прижался к стене, слушал.

Шаги остановились — кто-то стоял снаружи, не решаясь

постучать, и Артём услышал, как этот кто-то дышит, часто, поверхностно, как дышат люди, которым больно, и тогда он понял, что это не угроза, это помощь, или то, что от неё осталось.

Он открыл дверь — на пороге стояла женщина, высокая, в белом медицинском пуховике, который стал серым от грязи и копоти, с сумкой через плечо, в которой виднелись флаконы, бинты, что-то блестящее — инструменты, и за её спиной, на руках у Игоря, который, оказывается, вышел следом за Артёмом, лежал мужчина, бледный, с закрытыми глазами, с кровью на губах, с тем особенным выражением лица, которое Артём научился узнавать за два года — выражение человека, который уже знает, что умрёт, и просто ждёт, когда это случится.

— Я врач, — сказала женщина, и голос её был хриплым, не от простуды, от усталости, от того, что она слишком долго шла, слишком долго несла, слишком долго надеялась. — Анна Лебедева. Могу лечить. Могу шить. Могу делать уколы. Только пустите его — он умирает.

Артём посмотрел на мужчину — кожа серая, вены на шее чёрные, на предплечье — укус, свежий, может, час назад, может, два, и вокруг укуса — красное пятно, которое расплзлось, как ржа по металлу, и Артём знал, что это значит — облучение плюс вирус, комбинация, от которой нет лекарства, от которой нет даже облегчения, только время, и это время — короткое.

— Пусти, — сказал Игорь, и голос его был тише обычного, а у Игоря голос всегда был тихим, потому что он не любил занимать собой пространство, не любил, чтобы его слышали, он просто был, как был камень, как было дерево, как была стена.

Анна вошла первой, за ней — Игорь, положил раненого на топчан, который освободили, и Артём увидел, как руки Анны уже работают, разрезают куртку, осматривают рану, достают из сумки что-то, шепчут что-то, и в этом шёпоте было столько профессионализма, столько спокойствия, что Артём понял — она врач, настоящий врач, не тот, который выжил случайно, а тот, который родился для этого, и который теперь, в этом подвале, в этой Зоне, делает то, для чего пришёл в этот мир.

— Облучение, — сказала Анна, не поднимая головы. — Плюс укус. Вирус уже в крови. Часа три, может, четыре. Больше — нет.

— Можешь помочь? — спросил Артём.

Она подняла голову, посмотрела на него, и в её глазах он увидел то, что видят все врачи, когда лгут себе, что ещё могут что-то сделать.

— Могу облегчить, — сказала она. — Могу дать морфин, чтобы не мучился. Могу сделать так, чтобы он уснул и не проснулся. Выбирать ему.

— Спроси его, — сказал Артём.

Она наклонилась к раненому, заговорила тихо, Артём не

слышал слов, только видел, как раненый открыл глаза, посмотрел на неё, и что-то сказал, она кивнула, достала шприц, набрала что-то из флакона и уколола его в вену, а через минуту он уснул, ещё через пять минут он умер, тихо, беззвучно, как гаснет свеча, когда кончается воск.

Анна сидела рядом, держала его за руку, пока он не остыл, и только потом встала, посмотрела на Артёма, и сказала:

— Меня зовут Анна. Я была врачом скорой в Перми. Я знаю, где медицинский склад в Зоне. Я знаю, где антибиотики, где морфин, где всё, что нужно. Я могу лечить. Только пустите меня остаться.

Артём посмотрел на неё — на её руки, на которых ещё была кровь чужого человека, на её глаза, в которых стояли все те, кого она не спасла, на её белый пуховик, который уже никогда не будет белым, и он понял, что она нужна им, что без врача они не дойдут до бункера, что без неё они все умрут, может, не сегодня, может, не завтра, но умрут, потому что в Зоне пуля — это полбеды, беда — это то, что после неё.

— Оставайся, — сказал он.

Она кивнула, не улыбнулась, не поблагодарила, просто кивнула, как кивают люди, которые знают, что благодарность здесь ничего не значит, что значит только дело, и что дело её — лечить, и что она будет делать это до последнего вздоха, своего или чужого, ей было всё равно, лишь бы кто-то выжил.

3. ТУМАН

Наружная дверь была завалена мешками с песком, Артём отодвинул один, выглянул в щель, и мир ударил его в лицо — не холодом, не ветром, тишиной, той особенной, ватной тишиной, которая бывает только в тумане, когда звук не идёт, а падает, как снег, и тут же растворяется, не долетев до следующего дерева.

Мир был серебристым — туман висел плотной ватой, оседая на ветках кустов, на заборах, на обломках машин, всё покрылось изморозью, каждый сучок, каждый провод, каждая травинка блестела, как в сказке, как на тех открытках, которые продавали в киосках до катастрофы, и это было красиво, и это было смертельно, потому что красота в Зоне всегда была приманкой, как блеск на крючке рыболова.

Дед стоял у входа, в своём брезентовом ватнике, с «Вепрем» за спиной, он курил — самокрутку, которую прятал от Анны, потому что она говорила, что курение добьёт его лёгкие, а Дед отвечал, что лёгкие у него и так уже не те, что в шестьдесят три в Зоне лёгкие — это последнее, о чём стоит думать, и когда он увидел Артёма, затушил самокрутку о рукав, сплюнул, и сказал, и голос его был хриплым, с тем самым пермским окающим выговором, который Артём научился любить, как любят голос человека, с которым ты прошёл через ад:

— Видимость — метров десять, может, двенадцать. Ветер слабый, туман не уйдёт до обеда. Туман седня плохой, седой туман, озоном воняет, значит, где-то светлячки гнез-

до свили, или трансформатор рвануло недавно. В таком тумане, милок, «бегуны» ходят, свежие, быстрые, им метель нипочём, они на хруст ветки идут, как мы с тобой на звонок трамвая.

— Хорошо, — сказал Артём. — Значит, нас тоже не видно.

— Ага, — Дед сплюнул again, и плевок его упал на снег, и снег шипнул, как будто плюнул не человек, а сама земля. — И их тоже.

Артём посмотрел на него — Дед был сухим, как вобла, но жилистым, руки — сплошные узлы вен и шрамы от ожогов, лицо — морщинистое, как карта тех мест, где он работал, и в глазах его стояло что-то, что Артём научился узнавать только сейчас, через два года, — это была не мудрость, не опыт, это была усталость человека, который видел, как умирает всё, что он любил, и который всё равно идёт дальше, потому что некуда больше идти.

— Пора, — сказал Артём.

Группа собралась у двери — Артём проверил автомат, два магазина, полных, дозиметр — 0.8, Макс включил навигатор, спутники молчали, как молчали они уже два года, он держал курс по компасу, старому, армейскому, который достался ему от отца, Анна застегнула медицинский рюкзак, Игорь перекинул кувалду через плечо, и Дед, который шёл первым, потому что он знал этот город лучше, чем любой из них, потому что он знал каждую трубу, каждый коллектор,

каждую трещину в асфальте, и это знание было для них дороже любого оружия.

— Идём, — сказал Артём.

Они вышли в туман.

4. ЛЕСОПОЛОСА

Железная дорога тянулась с севера на юг, пересекая весь район, ветки ржавели, шпалы провалились, рельсы блестели от инея, и вдоль путей тянулась лесополоса — берёзы, осины, редкие сосны, всё было белым, всё было тихим, и эта тишина была такой густой, что в ней слышно было, как дышит каждый из них, как хрустит снег под ногами, как стучит сердце, которое не должно было стучать так громко.

Группа шла цепочкой — Дед впереди, он знал дорогу, его широкие охотничьи лыжи, которые он сделал сам из старых досок, почти не оставляли следа на снегу, Артём — через два шага, с автоматом наготове, Макс — между Артёмом и Анной, с обрезом и компасом, Анна — следом, с пистолетом, Игорь — замыкающий, с кувалдой, и каждый шёл, ступая в след предыдущего, чтобы не оставлять лишних следов, чтобы не привлекать того, что могло быть в тумане.

Туман скрадывал звуки — каждый шаг по снегу казался громким, через два метра он уже тонул в белой вате, деревья вырастали из ниоткуда и исчезали в никуда, мир был как сон, только холодный, вязкий, липкий, и Артём шёл, и думал о сыне, о Мишке, которому сейчас было бы девять, и который, может быть, жив, в Екатеринбурге, с матерью, в подвале, или

в школе, или где-то ещё, и эта мысль была как нож, который он носил в себе, и который он не мог вынуть, потому что вынуть — значит, признать, что его больше нет, а он не мог этого признать, не мог, даже когда всё вокруг говорило, что это так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.